

КАТЕГОРИЯ «АРТЕФАКТ» В СИСТЕМО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМ ПОДХОДЕ В АРХЕОЛОГИИ

Настоящий текст представляет собой наиболее полную версию материалов разработки системо-деятельностного подхода в археологии, начатой авторами в начале 1990-х годов. Оценивая существующую эпистемологическую ситуацию в археологии, авторы определились в необходимости создания собственной теоретико-методологической программы научной деятельности и выбрали в качестве основы развития системо-деятельностную методологию, разрабатываемую Московским Методологическим Кружком в главе с Г.П.Щедро-вицким. Одно из центральных, базовых понятий археологии - категория «артефакт» - было избрано основным, первичным объектом развития подхода. Отдельные достигнутые положения: аппликация системо-деятельностного подхода в планиграфии и технологии расщепления камня уже публиковались (Инешин, Тетенькин, 1995а, 1995б, 1998, 1999; Ineshin, Tetenkin 1995). По мнению авторов, существует необходимость более полного изложения собственных методико-теоретических основ. Тем более, что со временем отдельные уже опубликованные положения были уточнены и доработаны. Рефлексии эпистемологической ситуации в археологии и в иркутской школе в частности, самоопределение в которой побудило авторов к методологической работе, посвящены две статьи одного из авторов, А.В.Тетенькина, публикуемые в настоящем сборнике.

Авторы сочли нужным остановиться отдельно на избранном способе изложения текста. Особую роль в статье играют схемы. Это одно из важнейших средств методологической работы, где, как и в нашем случае, схемы фиксируют ход рассуждения в знаковых формах, не предполагающих неоднозначности содержания, являются мощными эвристическими средствами коммуникации-понимания и организации мышления и деятельности вообще (Попов, 1995).

Вторая особенность в принятом авторами изложении текста проистекает из различия позиций а) места артефактов в системе деятельности и культуры, с одной стороны, и б) рефлексии отражения их системных контекстов в археологических ситуациях и методов их «взятия», с другой стороны. Отсюда избранный способ описания объекта (дискурса - движения мысли) в «онтологическом» режиме

периодически прерывается «рефлексией» -оборачиванием рассуждения на археологические аспекты.

Введение

Любая научная дисциплина, любое научное направление, течение интеллектуальной мысли стремится к самоопределению в гносеологической ситуации, отвечая на вопросы: «что мы полагаем в качестве объекта исследования (познания)?», «каков способ познания», «что мы хотим знать об объекте?». Последний вопрос заключает рефлексию предмета исследования. В натурфилософской традиции, определившей познавательную парадигму науки нового и новейшего времени, предметом науки является отраженное в знаниях представление об объекте (Щедровицкий, 1984: 78). В науке самоопределение с предметом познания есть, таким образом, выбор движения мысли по объекту, выбор направления развития науки. Понятно поэтому, что определение предмета должно выражаться в определении границ снимаемой им стороны (проекции) объекта.

Для археологии задача определения предмета исследования окончательно еще не решена (об этом, например: Клейн, 1993). Это связано, с одной стороны, с молодостью науки, а с другой, со сменой общеполитических, идеологических парадигм в течение текущего столетия, взаимоборством влияний естественных и гуманитарных наук. И те, и другие оказали значительное влияние на археологию.

В нашем понимании археологии как науки, занимающейся построением знаний о явлениях и процессах, которые обрели материальное выражение и истекли в прошлом, возможен инженерный подход к построению предмета науки. Поскольку процессы социального движения-материи, формировавшие объекты археологии, нам не даны в настоящем, предметное онтологическое представление об объекте и его генезисе строится на основе принципа актуализма: перенесения в прошлое таковых представлений из знаний о настоящем. Поэтому знание о прошлом ретроспективно (Никигин, 1966), модельно. Исходя из ориентации исследователя и науки в предметной области, происходит выбор и конструирование предмета археологии и, следовательно, задание

характера конечного результата научного исследования - конкретного знания.

Одной из категорий, входящих в систему предмета археологии, в любом из пониманий последнего является категория "артефакт". Осмыслению и конструированию ее содержания посвящена настоящая тема статьи.

I. Происхождение термина

Артефакт является одним из терминов научной лексики в археологии, обладающим собственным содержанием. Этот термин происходит от латинского слова «*artefactum*» с корнями «*-arte-*» - искусственный, «*factum*» - сделанный. Таким образом, «артефакт» - факт искусственного происхождения.

В археологии термин «артефакт» появился в начале XX века, когда возникла потребность в новом понятии в качестве фундаментального в археологии, и заменил такие понятия, как «антик», «памятник», «историческая вещь» (об этом. Клейн, 1978).

«Артефакт», дословно «искусственно сделанный», был введен в археологическую лексику именно как термин, обозначающий субстанциональное определение объекта науки, которое есть «саморазличающееся и самообосновывающееся начало определенной области научного знания, воспроизводящее в себе существенные черты изучаемой реальности как определенной и качественно специфической целостности» (Пископел и др., 1994:43).

Понятие «артефакт» содержит следующие существенные признаки объекта: 1) вещественность; 2) искусственность (свидетельства изготовления человеческим трудом, производством); 3) культурную нормативность (обусловленность и подчиненность форм предмета системе норм культуры (Клейн, 1978: 83). Категория «артефакт» с наименьшим содержанием и наибольшим объемом стало понятием «в широком смысле слова». Сегодня с ним согласны многие археологи. Приведем здесь некоторые цитаты. «Любой материальный объект, изготовленный или модифицированный человеком прошлого и выполняющий определенную культурную функцию» (Бочкарев, 1975:35). «В широком смысле так может быть обозначен как артефакт любой конкретный собственно археологический, культурный объект самостоятельного значения» (Клейн, 1991: 348). «Кажется совершенно ясным, что предметом археологии являются артефакты в самом широком смысле этого термина - как любые материальные выражения человеческой культурной деятельности...» (А.Сполдинг, цит. по: Клейн, 1991:158).

Однако в таком широком смысле артефакт не является специфически археологическим понятием. что, в общем-то, и вытекает из содержания понятия. Данный термин в равной мере употребим и в этнографии, культурологии, социологии и других гуманитарных науках. Под артефактом, главным образом, понимаются вещественные источники в отличие от письменных и устных.

В эпистемологии американский философ

М.Вартофский (1988) ввел понятия «первичные» и «вторичные артефакты». «Первичными артефактами» являются артефакты, используемые в данном производстве непосредственно. «Вторичные артефакты» используются для сохранения и передачи приобретенных навыков или форм деятельности (практики), при помощи которых осуществляется производство. Это репрезентация деятельности. Вторичные артефакты имитируют не просто объекты окружающей среды, представляющие интерес для производства, а объекты при воздействии на них человека, т.е. формы традиций или действия с этими объектами (т.е. знания, культурные нормы, стереотипы и т.д., необладающие материальной вещественностью).

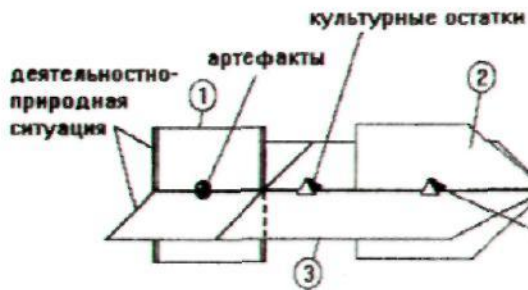
М.Вартофскому же принадлежит суждение, что артефакт для эволюции культуры является тем же, чем ген является для биологической эволюции.

Но принадлежность артефакта миру культуры, на наш взгляд, не отражает в полной мере существенные свойства археологического объекта, и потому не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к категориальному понятию в археологии. Чтобы пояснить это утверждение, мы приведем общее представление о природе и генезисе археологического объекта.

Объект археологии: редукция от «артефакта» до «культурного остатка»

Начнем с того, что мир палеокультуры и материально-вещественная среда обитания человека, не даны археологу непосредственно в качестве объекта наблюдения в отличие, скажем, от этнографа. Именно на этом этапе артефакт проживает собственную «жизнь» от рождения до смерти - выходя из системы деятельности Человека.

Следующим является этап выпадения артефакта из системы культуры и деятельности (преддепозиция - предпогребение), погребение (депозиция) и археологизация (постдепозиция). На этом «артефакто-леймономическом» (от слов «артефакт», греч. «леймма» - остаток и «номос» - закон: «знание об остатках артефактов») этапе происходит редукция от культурных отложений-артефактов до культурных остатков под действием естественных и потому деструктурирующих процессов вмещающего ли геологического тела или развивающихся биогеоценозов на местонахождениях экспонированных на поверхности остатков. Применительно к этому уровню археология решает задачи раскопок, документирования и анализа археологического объекта с целью определения степени деструкции артефактов, определения, насколько отличны культурные остатки от первоначального облика, какова степень модификации стоянки (археологического комплекса). Процедуры археологии, равно как и тафономические процедуры в палеонтологии, литолеймономические в геологии (Ефремов, 1950) являются процедурами процесса, называемого «межвременным переходом» (Никитин, 1966), где межвременной переход - процесс перехода

Культурные
остатки,
"опознаваемые"
как
постартефакты

1. Палеодеятельность как система, производящая артефакты.
2. Неодеятельность исследовательская, осваивающая

культурные остатки (археологические объекты).

3. Геобиосфера как система, работающая в двух режимах: организация естественного плацдарма палеодеятельности (соорганизации действительно-природной ситуации) и освоение артефактов в процессе собственного развития, в результате которого происходит редукция от артефактов до культурных остатков.

от информации о предметах, существующих в наше время (исходные данные - культурные остатки), к информации о предметах, существовавших в прошлом (артефактах), который осуществляется на основе времясодержащих законов. Для археологии таким законом, очевидно, должна быть признана аксиома прогрессирующего со временем деградированного несоответствия культурных остатков культурным отложениям-артефактам. В зависимости от определения археологии как источниковедческой науки или реконструктивной историко-культурной науки, археолог должен либо ограничиться этим этапом «шелонированного» познания прошлого, где все знания об артефактах тогда есть регистрация опыта эмпирических исследовательских классификаций (тот же самый характер источниковедения имеет «геоархеология»); либо проходить как этап «внешней критики источника» (Захарук, 1977; Шер, 1985).

Непонимание особенностей данного этапа формирования археологического объекта, принципиально задающего статус «культурных остатков», зачастую ведет к отождествлению артефактов с культурными остатками. В этом же обстоятельстве кроется, на наш взгляд, и причина несоответствия понятия «артефакт» субстанциональному (категориальному) понятию археологии, в качестве предмета науки отражающему знания о существенных характеристиках объекта археологического познания.

Наконец, последним этапом, формирующим археологический объект, является этап исследовательский, неодеятельностный. В поле зрения археолога однажды попадают покоящиеся в геологическом теле культурные остатки, идентифицируемые исследователем как остатки продуктов человеческой деятельности - артефактов. Здесь они приобретают статус объекта науки, памятника, культурно-исторических ценностей и т.п. Происходит освоение археологического объекта современной деятельностью, в результате чего изымаются в качестве археологической коллекции ископаемые вещественные остатки, разрушается вмещающее геоморфологическое тело в ситуации местонахождения культурных остатков,

разрушается культуросодержащий геологический слой и т.д. В результате на заключительном этапе формирования объекта археологии последнее (формирование) зависит от стратегии исследователя, включающей и предметные представления, и методико-методологический аппарат средств.

Артефакт «в широком и узком смысле слова»

Применение «артефакта» в археологической практике потребовало раскрытия его объема путем введения видовых понятий. Это привело к появлению понятия «артефакт» «в узком смысле слова». Из логики приведенного выше рассуждения вытекает, что основаниями деления понятия на видовые должны выступать действительные, культурные процессы, по отношению к которым характеризуются отдельные виды. Однако основания для деления категории «артефакт» были выбраны иные - понятия делились по морфологическому основанию, отражающему внешнюю исследовательскую позицию, эмпирический опыт исследователя. Кроме того в ряде случаев понятия были введены с нарушением принципа деления по одному основанию. В результате отсутствовала внутренняя систематизированность этих понятий между собой в рамках категории.

В широком смысле артефакты подразделялись на монументальные (сооружения) и портативные (вещи) (Клейн, 1991:348); на собственно артефакты, памятники, отходы, заготовки (Клейн, 1978:84). Артефакты в узком смысле слова - целые находки, чистые типы, «хорошие орудия». Кроме того, упоминавшееся уже неразличение культурных остатков и артефактов приводит к пониманию последних как памятников, находок, источников, так и объектов, и результатов деятельности (Клейн, 1991:158).

Понятия «артефакт» и «вещь»

Столь же неопределенно соотношение понятий «артефакт» и «вещь». С одной стороны, вещественность является одним из характерных признаков артефакта, а значит, все артефакты - вещи, например, среди

ископаемых вещей есть «артефакты, манупорты, кухонные остатки, уголь, зола» (Воробьева, Медведев, 1984). С другой стороны, артефакты подразделяются на вещи и сооружения, и в этом случае вещами являются только портативные артефакты. Кроме того, и «вещи», и «артефакты» понимаются как «находки» (Клейн, 1978: 98). Мы полагаем, что понятие «вещь» в археологии также, как и понятие «артефакт», отражает не существенные онтологические свойства объекта, а свойства в отношении к источниковедческой, исследовательской позиции в гносеологической субъектно-объектной ситуации.

Классификации по собственно-исследовательскому принципу обязано и определение археологии как вещеведения. Так, выступая на теоретическом семинаре зимой 1993 г. лидер иркутской археологии Г.И.Медведев однозначно высказался в том смысле, что наука археология есть вещеведение. В этом же русле лежит и высказывание Л.С. Клейна: путь к определению археологических источников пролегает через понятие «вещественные источники» (Клейн, 1978:38). Отсюда вещи - единственно физически достоверные предметы. Достоверность их основывается на ископаемости. Иначе говоря, вещами являются те предметы, которые выкапываются, а затем хранятся в исследовательских коробках как «коллекции», «наборы инвентаря». Однако, не все вещи («отдельные предметы материальной действительности, обладающие относительной независимостью и устойчивостью существования» - БСЭ - Т.5. - С.5) ископаемы, или, иначе говоря, со временем утратили материальную целостность и, следовательно, возможность быть ископаемой. Таковыми, например, могут быть предметы из органики. С другой стороны, с развитием полевой археологической техники, представлений исследователя о том, что и как копать, что «брать», а что нет, все больше материальных организованностей становится «вещами», то есть доступными для раскопок.

«Онтологическое» содержание понятия «артефакт»

На наш взгляд, находясь в исследовательской позиции археолога, невозможно выработать собственно «онтологическое» содержание понятия «артефакт». Прежде всего, потому, что ни артефакт, ни процесс, его организующий, не даны археологу в качестве объекта. Знание об артефактах должно стать предметом самостоятельного исследования. (При этом смена позиций не есть обязательно смена субъекта-ученого, философа, методолога, а именно означает смену позиций в разных эпистемологических ситуациях, разного самоопределения, целей и средств работы). Признание утверждения, что артефакт есть производное человеческой деятельности означает, что онтологическое (субстанциальное) содержание понятия должно строиться в качестве развития теории деятельности. Логическое же обоснование применения нового понятия артефакта и представлений о

деятельности, как процессе, производящем артефакт, должно строиться на допущении (аксиоме) общности биологической и социальной природы человека сегодняшнего и древнего в рамках общего биологического вида *homo sapiens sapiens*. Такие представления об артефакте и деятельности (или культуре, если выведение содержания понятия «артефакт» строится на основе культурологических концепций) должны стать основным методологическим средством - моделью-конфигуратором построения конкретных знаний (Щедровицкий, 1984), в случае археологии - моделей палеодеятельностных (палеокультурных, палеоэкологических) ситуаций.

В 60-70-е гг. XX в. в отечественной философии, социологии, педагогике, психологии тема деятельности активно разрабатывалась рядом исследователей, в том числе в рамках системного подхода (Каган, 1974,1991; Юдин, 1977, 1978 и др.). Работы не зашли дальше общепhilosophического уровня осмысления и определения категории «деятельность» как «специфически человеческой формы активного отношения к окружающему миру, содержание которой целесообразное изменение и преобразование мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» (Юдин, 1977:12), где основной функцией деятельности является «обеспечение сохранения и непрерывного развития человеческого общества, так как существование и развитие общества есть условие бытия самого человека» (Каган, 1974:48).

Между этими общими представлениями и конкретными археологическими данными лежит разрыв, который необходимо заполнить конструированием «средних этажей» знания и исследовательских процедур. Очевидно, что средством для такого межуровневого перехода от разных этажей знаний должен был стать системный подход. Однако, на том уровне представления системы, во-первых, объективированной как данности (Юдин, 1978:107,133-134), которую надо изучать (а не строить - *авторы*), а во-вторых, «как части некоей метасистемы...», в которую она вписана и в которой функционирует» (Каган, 1991: 21) (что есть суть простое выражение редукции «от целого к частям», «от простого к сложному»), конструирование знаниевых структурных уровней «восхождения от абстрактного к конкретному» не было осуществлено. Из этой ситуации, на наш взгляд, вытекает, необходимость конструктивного (инженерного) методологического подхода к построению как онтологического содержания категории артефакта, так и построения эпистемологической программы для науки в целом.

Возможность такого развития мыслительной деятельности, на наш взгляд, дает работа в русле системо-деятельностного подхода, разработанного и осуществляемого с конца 50-х гг. направлением "системо-мыследеятельностной (СМД) методологии", лидером которого был Г.П.Щедровицкий (Громыко. 1991). Деятели этого направления выделяют собственно методологическую позицию, характеризуемую: 1)

принципом инструментализма и практичности; 2) принципом конструктивно-мыслительного развертывания (творения новых знаков, схем мыслеформ); 3) принципом заимствования и преодоления определенной культурно-нормированной формы (Зинченко, 1995: 3). «Методология соединяет в себе и категориальные способы движения, и модельно-онтологическую работу, и порождает впервые системный подход» (Дискуссия..., 1994:20).

Мы предприняли в рамках очерченной проблемной ситуации попытку (которая, впрочем, далека еще до своего завершения) выхода в методологическую позицию и конструирования системо-деятельностного содержания категории «артефакт» (Инешин, Тетенькин, 1995; Инешин, Тетенькин, 1999), полагая, что эта работа должна быть проделана именно археологами, хотя и выходящими в позицию методологической мыследеятельности, но являющимися субъектами археологической исследовательской практики, определяющими содержание методологической работы и потребляющими ее результаты.

II. Артефакт в системо-деятельностном подходе

Онтология (1). Прежде всего, мы определимся с тем, что понимаем под категориями-понятиями «деятельность», «жизнедеятельность» и «артефакт». Мы опираемся на разработки Г.П.Щедровицкого теории деятельности в 1970-х гг. и понимаем деятельность как безличностную, исходную, универсальную целостность, «захватывающую» и «заставляющую» вести отдельных индивидов определенным образом (Разработка и внедрение..., 1975: 85). Структурными элементами, звеньями этого феномена, понимаемого как система, являются акты деятельности (Разработка и внедрение..., 1975:125-126). сложноподчиненные между собой, гетерохронный и гетерогенные в смысле вхождения в различные сферы и процессы деятельности. Основной процесс системы деятельности - воспроизводство условий жизни общества (Разработка и внедрение..., 1975: 119). Интегрирование актов деятельности (АД) в систему выражается в различных формах кооперации АД, простейшая из которых есть производство (АД-1) - потребление продукта (АД-2). Мы полагаем, что такое формальное представление универсально и что конкретно-исторические особенности деятельности должны проявляться в ее содержании. Понятие «жизнедеятельность» несколько шире «деятельности», объемля также и недеятельностные нерегулятивные нерефлексивные виды человеческого поведения, присущие человеку как биологическому виду, но «захваченные» и осуществляемые в рамках деятельности и ею обеспечиваемые.

Артефакт, наряду с категорией деятельности, в нашем подходе является базовым понятием. В предельном случае мы считаем, что артефактами являются любые материальные преднамеренные или непреднамеренные результаты человеческой жизнедея-

тельности. Их появление складывается в результате антропогенного наложения «формы» на «материал» (Щедровицкий, 1995 (1975)). Образно говоря, человек в своем поведении в физической среде неизбежно сознательно или непреднамеренно «следит». Любой такой результат, по определению, является артефактом.

Первоначально нами ставилась задача анализа артефакта в акте деятельности (АД) с тем, чтобы создать систему представления артефакта в конечном акте и в деятельности вообще в одной из элементарных позиций. с обязательным требованием переводимости артефактных схем в деятельностные. Конечным продуктом исследования археологического объекта в рамках системо-деятельностного подхода должна являться модель деятельностной ситуации (ДС) -интегрированной совокупности АД, ос> щес гвленных в данном локализованном пространстве. Моделью ДС стоянки и «деятельностной судьбы» каждого вещественного предмета в этом случае будут являться определенные синтагматические конструкции, состоящие из комбинации терминов деятельностной характеристики (элементарных позиций) артефакта, схемы цепочек деятельностных актов, составлешших на основе моделей артефактов. Возможны также различные модели ДС, развитие которых будет осуществляться за счет средств схемотехники.

Артефактами являются не только отдельные предметы, обладающие признаками вещественности (т.е. портативности, физической отдельности, целостности), но и пространство их полагания. Установление на нем предметов-вещей в этом случае является наложением на естественный ландшафт искусственной формы - структуры.

Рефлексия. В строгом смысле слова, археологи имеют дело не с артефактами, а с их остатками («культурными остатками»). Процесс превращения артефактов в остатки имеет тафономическую естественную природу. По сути, любое археологическое исследование осознанно или неосознанно предваряется идентификацией предмета как культурного остатка с последующим анализом степени сохранности культурного остатка как артефакта. В археологическом познании, таким образом, культурные остатки выступают заместителями артефактов в качестве объектов социальных (в широком смысле) реконструкций.

Существенным в нашем подходе является универсальный характер определения артефакта, объединяющий в своем содержании как вещественные остатки, так и пространство их полагания и удовлетворяющий требованиям, предъявляемым к понятию как к категории.

Онтология (2). Наряду с понятием «артефакт» ключевой категорией системо-деятельностного подхода является «знак» (СХЕМА 2).

Знаки также, как и артефакты, имеют дея-тельностьную природу, т.е. являются продуктами деятельности. Знак по определению представляет собою замещение знаковой формой в различном произвольном объеме содержание некоего объекта (см., например, Щедровицкий, 1995; Эко, 1998). Знаковая форма - носитель значения - материальна, а следовательно, какая-то существенная часть знаков является артефактами. Существуют искусственные и естественные знаки. Искусственные знаки есть знаки сознательного или преднамеренного замещения объекта знаковой формой-носителем. Для последнего обязательно несоответствие (нетождественность) объекту от полного (индексы, по Ч.С.Пирсу (Кирюшенко, 1999) до частичного (иконы). Эти знаки обеспечивают или представляют собой некий отличный, совершенно другой независимый объект.

Естественные знаки это объекты, обозначающие самих себя в ситуациях соприкосновения с ними (оперирования ими). В этом случае все артефакты -знаки. В этой связи можно говорить о любом объекте материального мира, который для нас будет знаком самого себя в определенной ситуации нашего знакомства с ним. Ряд семиотиков полагает, что эти естественные знаки не являются знаками в полном смысле слова (Кодухов, 1974:25).

Многими исследованиями традиционных обществ показана высокая степень сакрализации, обрядности, символичности всех сфер человеческой жизни. Описаны, например, сложные символические (знаковые) нагрузки таких артефактов, как «дом-жилище» или традиционный народный «костюм», несущие, помимо прямых утилитарных функций, символические значения (знаковые функции). В этой связи было предложено понятие семиотического статуса предмета (Байбурин, 1989). Его смысл заключается в удельном весе символического и прагматического (утилитарного) в качестве основной и дополнительных функций артефактов.

Таким образом, можно утверждать, что все артефакты в той или иной мере являются знаками. В анализе их знаковой природы всякий раз предстоит задача выяснения семиотического статуса.

Рефлексия. Осмысление знаковой природы артефактов имеет важное значение в определении эпистемологических рамок (возможностей) археологии. Смысл (значение) искусственных знаков доступен коммуниканту в случае, если ему предварительно известны коды (правила) означивания знака. Имея такие коды, получатель знака способен его прочесть, т.е. понять. Без этих скрытых кодов значение знаков недоступно, поскольку знаковая форма отлична от исходного объекта знака. Обычно правила чтения знаков передаются в культуре либо непосредственно изустно, либо посредством иных общеизвестных знаковых систем. В любом случае это предполагает наличие единого для обоих коммуникантов культурно-информационного поля, в рамках которого осуществляется передача, а главным образом, понимание знака.

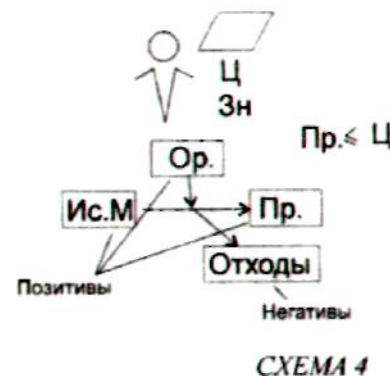
Это-то неперенное условие как раз и отсутствует в археологической практике с разного рода ритуальными символическими, по сути, знаковыми комплексами. Отсюда идет принципиальная невозможность понимания таких категорий археологических памятников как могильники, святилища, петроглифы и тому подобные.

Иначе дело обстоит с артефактами и их комплексами -естественными знаками или объектами утилитарного назначения и низкого семиотического статуса, обозначающими самих себя. В этом случае возможно так называемое «функциональное узнавание» артефактов. В этом случае принципиально возможно (допустимо) их понимание или (-) интерпретация.

Онтология (3). Артефакты являются продуктами человеческой деятельности. Они являются результатами актов деятельности (АД). Для последних Г.П.Щедровицкий разработана принципиальная схема, включающая «исходный материал» («Ис.М»), «продукт» («Пр»), «орудия» («Ор.») или средства. «знания» («Зн»), «цели» («Ц»), «субъекта» и «табло его сознания» (СХЕМА 3).

СХЕМА 3 По сути дела, акт деятельности представляет собой целенаправленное оформление исходного материала в продукт - артефакт. Выделяются преднамеренные и непреднамеренные продукты акта деятельности -артефакты. Ю.Эггерс называл их *позитивными* и *негативными* артефактами (цит. по: Клейн. 1978). Любое производство преобразование материала -имеет в итоге преднамеренные результаты - продукты производства и непреднамеренные - отходы производства. Их отличие состоит в том, что *позитивные* артефакты - продукты в той или иной степени соответствия, зависящей от мастерства и совершенства технологии, идеальному образцу цели или замыслу акта деятельности. Негативные артефакты - отходы -являются побочным, а в ряде случаев и непредвиденным результатом производства первых (СХЕМА 4).

Рефлексия. Наблюдение за живой реальностью позволяет выделять акт деятельности целиком, включая ненаблюдаемые для археолога такие компоненты структуры, как знания, целевые установки и самого человека. Практика археологических исследований имеет дело только с материальными организованностями, втянутыми в акт деятельности и характеризующимися в нем как *исходный материал, продукт, отходы* (производимые артефакты), *орудия* (артефакты, участвующие в производстве других артефактов). Однако, даже такое усеченное. «археологизированное» представление акта деятельности позволяет в дальнейшем синтезировать результаты исследований реальных и ископаемых ситуаций. Морфо-функциональный анализ артефактов, в частности, морфологический анализ систем расщепления, структур пространственного положения вещей, их функций, по замыслу, должен определить их место в АД. Это является основным механизмом моделирования актов деятельности и деятельностных ситуаций на основе археологических материалов (Инешин, Тетенькин, 1995; Инешин, Тетенькин, 1998).

Онтология (4). В актах деятельности (АД) артефакты проживают два принципиально разных состояния: пассивное состояние их «сотворения» (пассивное функционирование, *пассив*), отраженное в схеме АД позициями в нижней части - «от исходного материала» к «продукту» и «отходам», и активное состояние «употребления» (активное функционирование, *актив*), в схеме АД-«орудия». В активной фазе существования артефакт уже сам выступает в роли средства создания новых продуктов, вообще является средством организации искусственной сферы жизни человека. Переходом артефакта из пассивного состояния в активное реализуется кооперация актов деятельности. (СХЕМА 5)

Употребление артефактов как орудий влечет за собой процессы амортизации и износа. Износ полезных свойств и качеств становится причиной модернизации, подживления, починки, а также (вместе со сменой целей) возможным переформлением орудий. Артефакт на время вновь попадает в пассивное состояние. Происходит «эффект зашнуровывания» актов деятельности (Инешин, Тетенькин, 1995).

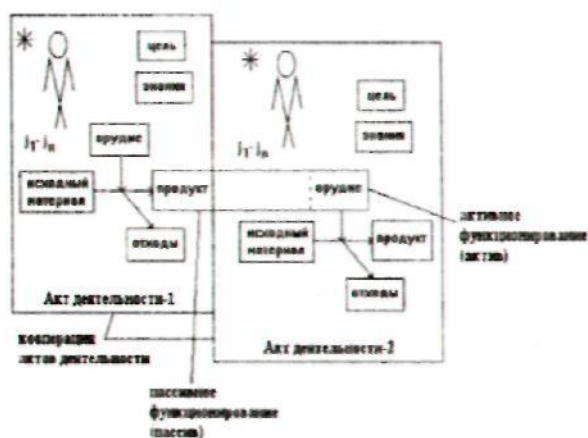

СХЕМА 5

Рефлексия. 1. В археологии только наличие формальных признаков утилизации позволяет говорить об артефакте как об орудии. Без этих свидетельств мы не вправе утверждать последнее и речь должна вестись о «продуктах», даже если это готовые «типологические» орудия без следов использования, например, в случае с погребальным инвентарем.

2. Анализ аппликационных сборок показывает степень «леяльности нагрузки», выпадающей на долю каждого конкретного артефакта. Показательна в этом отношении роль бифасов. На данном этапе исследования мы можем говорить в ряде случаев о них как о многоцелевых (многофункциональных) предметах, стандартным, технологически предзаданным качеством которых была именно бифасиально подготовленная уплощенность. Лезвия рабочих краев носят характер произвольных, возникших в результате появления новых целей деятельности. Амортизация лезвий или смена целей неоднократно приводили к переформлению бифаса. Насчитывается до 12 актов деятельности по изготовлению-потреблению, испытанным этими артефактами. В конечном итоге развития процесса модернизации и подправки, некоторые бифасы были «списаны» в нуклеусы. Очевидна полезность в археологии анализа взаимоотношений пассивного и активного состояний артефакта в определении степени леяльности нагрузки, сумма которой, по-видимому, отражает «ценность» артефакта в глазах владельца (в утилитарном, производственном отношении, символическом и прочих). Смена целей деятельности, морфологически и трассологически отраженная на одном артефакте, получила название «принципа адаптивной вариабельности» (Инешин, Тетенькин, 2000), в процессе которой артефакт удовлетворяет гетерогенные и гетерохромные потребности, проходя для этого этапы и акты пассивного функционирования. В эти моменты вступают в действие различные технологические приемы из имеющегося у древнего мастера технологического репертуара (или арсенала, в этом же значении). Но можно ли говорить о процессе редукции бифаса до нуклеуса как о едином и непрерывном (^целостном) техническом процессе или редукция прерываема многократным употреблением бифаса как орудия, да и само появление нуклеуса как результата расщепления не носит характера неперенности? До сих пор обычно понимание технического процесса большинством исследователей связывалось с реализацией некоей стержневой идеи непрерывного прохождения предметом всех стадий оформления от А до Я, в ходе которого реализуется одна цель.

Чередование/смена состояний «пассив - актив» артефактом - единственный способ обозначения пределов АД. Единственный способ их выделения. Рассмотрим же, каков для археологии смысл их выделения. Введение АД как единицы процесса деятельности с указанием на механизм интеграции АД в кооперативные цепочки и способы оперирования в

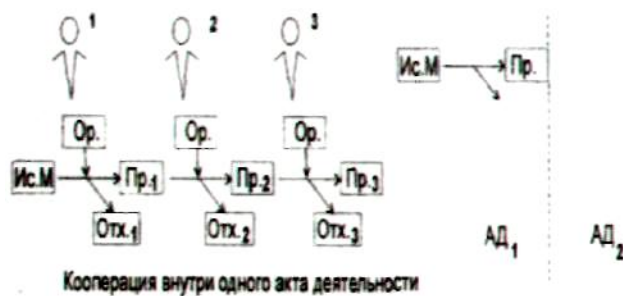
этом отношении с археологическим материалом позволило перейти к построению формализованных процессуальных моделей, где смена АД в кооперации означает хронологически разведенный на последовательные этапы-составляющие механизм разворачивания процессов деятельности.

Количество АД, или их сумму, интерпретируемую как «деятельностную нагрузку» в отдельно взятой ситуации стоянки, артефакта-вещи, возможно помыслить и как сумму единиц деятельностного времени. Оно неравномерно времени физическом), но зато предельно, в нашем случае, сомасштабно исчезнувшей социальной действительности настолько, что последняя измерима в нем. При этом характеристики физического времени типа «продолжительно - недолговременно» сменяются характеристиками в терминах «интенсивного» (многократного), «полифункционального» (многоцелевого).

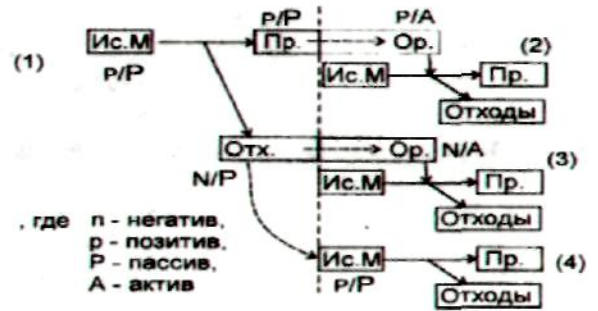
Онтология (5). В ходе оформления «продукта» возможно осуществление целого ряда действий-операций с возможным разрывом во времени, месте исполнения и деятелях. Участие разных деятелей в процессе Исходный Материал — Продукт на разных стадиях реализации здесь будет означать кооперацию внутри одного АД. Возможны случаи, когда в качестве орудия были утилизированы отходы. Возможны также случаи, когда отходы попадали в этом качестве в позицию позитивного преднамеренного оформления из них продукта. Отходы — Исходный Материал — Продукт.

Рефлексия. Описанные варианты взаимоотношений и переходов артефактов из одной позиции в другую в процессах деятельности, интенсивность развития АД на одном артефакте задают весь спектр выделяемых в ряде работ археологов (например, П.Волкова (1998). Ю.Гири (1997) «главных орудий», «вспомогательных орудий» и пр. {СХЕМЫ 6 и 7}.

Онтология (6). Заведя речь о переходе артефакта от позиции негативного продукта - отхода к позиции позитивного исходного материала, мы приходим к выводу о двучленной характеристике вещи-артефакта в акте деятельности: характеристики по отношению «позитив-негатив» и по отношению «пассив-актив».

Представим себе в этих терминах состояние артефакта в разных позициях в АД {СХЕМА 8}:

Рефлексия. Выше мы уже говорили о системе описания и анализа Ю.Эггера, отреферированной Л.С.Клейном (1978) в его знаменитой книге «Археологические источники». В ней-системе Эггера - также каждый артефакт или их комплекс характеризовался по двум ортогональным позициям: «преднамерен - непреднамерен» (позитив - негатив) и «на известных основаниях - неизвестных основаниях здесь существует». На наш взгляд, в этой системе заложена методологическая ошибка, которая кроется в разных основаниях для анализа. В первом случае это онтологические основания («осознательно ли артефакт создан?»), а во втором случае - основания гносеологические («известна ли нам мотивация создания и оставления археологического источника здесь?»).

Онтология (7). Помимо вещественных или портативных артефактов артефактами также являются и искусственно (т.е. антропогенно) осваиваемые территории, в том числе «стоянки», «кочевые уголья». Их оформление как артефактов реализуется наложением искусственной структуры - «специальных мест» и отходов, отбросов, следов (формы) на естественный ландшафт (материал). В пределе структурирование (артефактообразование) пространства задается даже одним вещественным предметом.

Сущность вводимой нами третьей оппозиции «вещь-невещь» состоит в противопоставлении «вещей» - элементов пространственной структуры -искусственно структурированному ими пространству-невещи, выражаемому в экспонировании в пространстве различного рода предметов. «Невещи» -это плацдармы, на которых (внутри которых) осуществляется деятельность по их собственной (плацдармов) организации путем структурирования их пространства (невещь-позитив-пассив), либо осуществляется любая иная деятельность (невещь-негатив-пассив), которую эти плацдармы канализируют. Таким образом могут быть устроены персональное рабочее место, общественные места, жилища, стоянка, город и т.п. При переходе процессов деятельности на новый уровень (большой масштаб), во вне данного плацдарма, последний выступает структурным элементом всей макроструктуры, происходит переход

«невещь-вещь». Так. кочевой ареал (невещь) может быть структурно организован стоянками, охотничьими лагерями и прочими (вещи). Последние, в свою очередь, могут быть организованы (невещи) различными функциональными местами типа жилищ, очагов, хозяйственных ям, различными хозяйственными, пищевыми отбросами (вещи). В свою очередь, пространство внутри жилища (невещь) структурировано вещами.

Основанием для того, чтобы считать структурированные пространства-невещи артефактами, выступает все та же оппозиция «форма-материал», где «материалом» является пространство, а «наложением формы на материал» - экспонирование на него вещей. Логическое обоснование выведения понятия «невещь» (названного нами по антиномии к «вещам») основывается на том, что функция (процесс) всякой структуры проявляется в положении объекта-носителя этой структуры в структуре системы более высокого порядка (Ковальченко, 1987: 186). А именно процесс, т.е. функционирование во взаимодействии с другими вещами задает материальную целостность, т.е. вещественность объекту (Разработка и внедрение..., 1975:105; Проблемы связей..., 1990:7-8,15).

Поскольку в схеме акта деятельности, одной из фундаментальных схем СМД-методологии и основной в нашем развитии подхода, отсутствуют символичные представления пространственной организации (и организации пространства) АД, мы модифицировали в этом направлении схему АД. Так, схематичное представление перехода «вещь - не вещь» на примере конструкции «дом» выглядит СХЕМА 9:

состояние не вещи - структурирование пространства -осуществляется также, как и пассивное состояние вещей - преднамеренно и непреднамеренно. Преднамеренно (невещь-позитив-пассив) - как устройство недвижимых функциональных мест, организация которых обязательно несет в себе выбор места, поскольку сами по себе объекты имеют смысл в многократности повторения в организованном ими пространстве одного акта деятельности либо многоактовых разнохарактерных процессов деятельности, т.е. в управлении ею. Непреднамеренное структурирование пространства (невещь-негатив-пассив) выражается в экспонировании на поверхности различного рода вещей - отходов производства, хозяйственного мусора, орудий труда и т.п., сознательно или бессознательно оставленных на территории обитания, рассеянных или локализованных

вместе, но во всех случаях непредназначенных для пространственного управления, регулирования человеческой активности (движения, производства и пр.) Появление не вещей-негативов происходит с разворачиванием деятельности на искусственном или естественном пространстве, в «системе его координат», последнее, следовательно, активно функционирует. Закономерности непреднамеренного структурирования путем экспонирования этих вещей имеют природу этологического характера, детерминирующую определенные параметры ориентации людей (Плюснин, 1990).

При этом антропогенноструктурированным пространством является такое с момента оставления или установления Человеком на его плоскости хотя бы одного артефакта или нонартефакта. Характеристикой внутривещной структуры пространства как не вещи выступает характеристика пространственного положения ее структурных элементов-вещей, и наоборот. Например, наличие хотя бы одного позитива-вещи - установленного недвижимого объекта типа очага, землянки или Великой Китайской Стены означает, что позитивно структурировано все данное пространство жизнедеятельности (невещь-позитив). Таким образом мы полагаем, что должны иметь дело с вещью - самим (нон-)артефактом и не вещью - местом дислокации (нон-)артефакта - его носителем (СХЕМА 10).

Активное состояние не вещей-позитивов есть управление, регулирование человеческой деятельности, задание необходимых условий ее развития путем помещения в искусственное пространство. Организация пространства, таким образом, есть организация деятельности и вообще человеческой активности в любых ее пространственных формах. В качестве примера такого движения можно привести устройство на территории стоянки мусорной ямы: ее вынос от центра стоянки продиктован бессознательными этологическими (поведенческими) параметрами структурирования местности (Плюснин, 1990), но само ее, мусорной ямы, устройство есть преднамеренная организация пространства, задающая отложение мусора, пищевых отходов и прочего в определенном месте (СХЕМА 10А), а не по всей территории на достаточном удалении от центра (СХЕМА 10В).

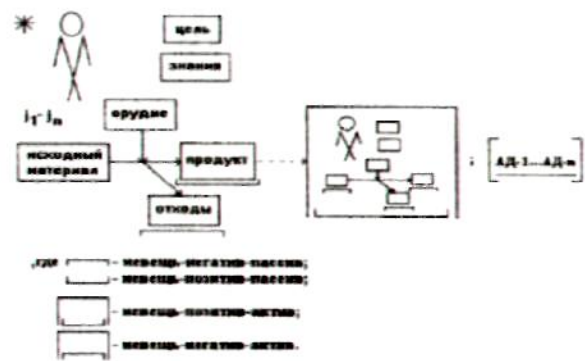

СХЕМА 10

Активное функционирование позитивно устроенного плацдарма может выражаться также в очистке территории от мусора - элиминирование не вещей-негативов-пассивов (активов). Невещи-негативы также могут играть активную роль, выступая, например, маркерами места осуществления и повторения АД (например, скопления щепок на месте рубки дров). Активное функционирование не вещей, как позитивов, так и негативов, может выражаться в любых формах человеческой активности и ее материального проявления, «завязанных» на активно функционирующий объект. Это может быть и прислонение к объекту, положение на него, возле него или под ним вещей - концентрация вокруг него любых видов поведения, деятельности, социальной жизни.

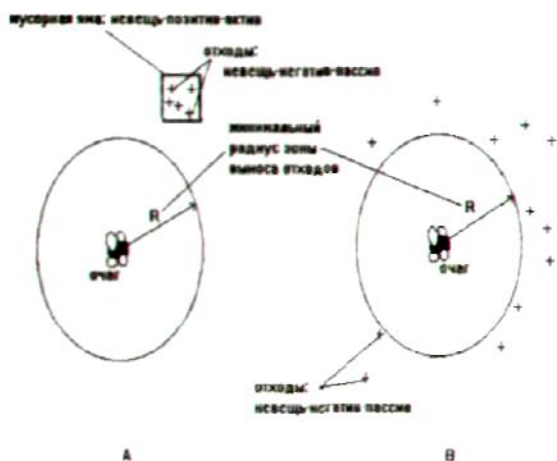

СХЕМА 11

Механизмы экспонирования вещей -организации пространства

Преднамеренная организация пространства, как мы полагаем, может выражаться в целевом экспонировании вещей тройко.

1. В первом случае это будет организация и конструирование вещи и ее пространственного положения-невещи одновременно (СХЕМА 12):

Обычно таким образом организуются недвижимые объекты типа «здание-дом», «дорога», «ограда», любые в нынешней практике объекты капитального строительства. В этом случае место (пространственная позиция объекта) принимает законченный вид вместе с завершением нулевого цикла работ по строительству этого объекта-вещи и, таким образом, на каком-то этапе завершается стадия пассивного функционирования не вещи - пространственной (структурной) позиции строящегося объекта: вещь-позитив-пассив/невещь-позитив-актив. В пассивном состоянии не вещь-позитив в перерывах между неоконченным строительством

становится активным - ограничивает в пространстве движение людей и любого иного рода виды активности. По возобновлении строительства вещи-позитива-пассива («здание») не вещь-позитив (его пространственная позиция) снова становится пассивом вплоть до предела формирования этой пространственной позиции вещи (СХЕМА 13):

Сам же объект-вещь продолжает находиться на стадии пассивного функционирования вплоть до завершения строительства и в случае ремонта, модернизации будет возвращаться в эту стадию. Общая же формула механизма организации, например здания, примет такой вид (СХЕМА 14):

2. Во втором случае организация вещей и не вещей не совпадает. В пространстве экспонируется, устанавливается уже готовая вещь, произведенная где-то вовне этой пространственной позиции (СХЕМА 15):

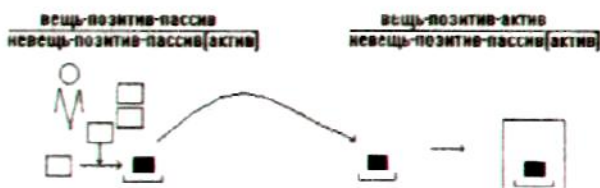

СХЕМА 15

Данным образом пространство жизнедеятельности организуется более легкими или менее «недвижимыми» объектами: гаражами-контейнерами, вагончиками-бытовками, продуктовыми ларьками, мусорными контейнерами, мебелью и т.п. При этом искусственный плацдарм - организованное пространство - становится высокочувствительным к реорганизации предметов-вещей, а следовательно, к собственной реструктуризации. Неслучайно в связи с этим происхождение слова «мебель» от латинского mobile - мобильный, легкодвигающийся - «один из основных видов оборудования помещений, а также садов, парков и улиц» (БСЭ. - Т. 15. - С.546). Замысел целевой, преднамеренной организации пространства, полностью реализуясь при экспонировании вещи, частично уже воплощен в ней как функция вещи организовывать на себя пространство.

3. Третий случай, пожалуй, более характерен для современной инженерно-технической практики и

связан с подземным установлением вещей и элиминированием их пространственной позиции - прокладкой подземных коммуникаций и т.п. На начальной стадии вещь и не вещь пассивно функционируют, затем по завершении монтажа, строительства объекта, траншею (котлован и т.п.) вмещающую объект (кабель), зарывают и на поверхности ликвидируют все следы этого вида деятельности. Происходит элиминация не вещи (СХЕМА 16):

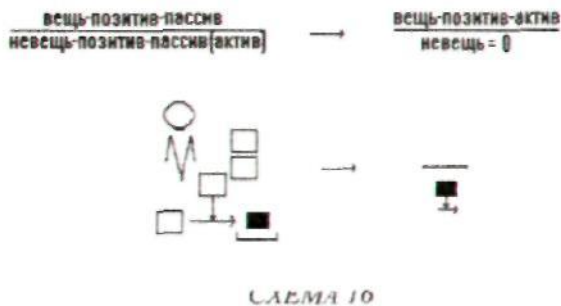

СХЕМА 16

Экспонирование и передвижение вещей

На примере мебели мы уже коснулись того, что пространство может быть структурировано и реструктурировано движимыми вещами. Движение вещей происходит всегда относительно чего-то - какого-либо искусственного или естественного ландшафта (СХЕМА 17).

СХЕМА 17 В рамках позитивно

организованного плацдарма всякое экспонирование-движение предметов есть негативное потребление уже существующего плацдарма (СХЕМА 18).

СХЕМА 18 В свою очередь

движение-экспонирование предметов может само позитивно структурировать пространство. Возникает этажность, иерархия уровней позитивной структуры плацдарма, которая отражает а) временную последовательность в развитии позитивной структуры плацдарма, б) в конечном итоге степень не подвижности и вкладываемый в нее замысел временного качества организации пространства. Мы делаем оговорку «в конечном итоге», поскольку любая

организация относительно неподвижных объектов (например, объектов капитального строительства) требует временной организации пространства строительства, например, легко переносимыми вагончиками-бытовками, контейнерами-складами и т.п. Но затем, в конечном итоге, эти более подвижные объекты относительно менее подвижного (недвижимого) новоорганизуемого объекта меняют свои позиции и этажность, уровень в иерархии позитивных структур плацдарма, оставляя нижние этажи недвижимым объектам. (СХЕМА 19).

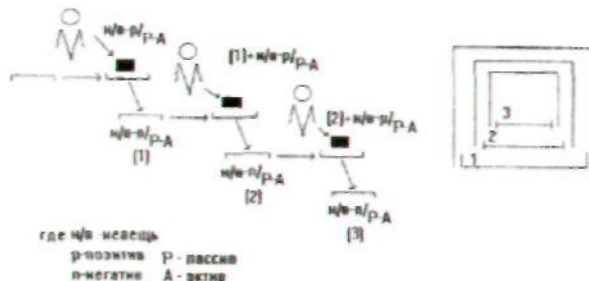

СХЕМА 19 Движение и

экспонирование вещей, как уже отмечалось, может быть преднамеренным (позитивным) в смысле организации пространства-пространственной организации деятельности и непреднамеренным (негативным) (СХЕМА 20):

СХЕМА 20

В позиции не вещь-позитив передвижение и экспонирование вещей происходит как пассивное функционирование не вещи-позитива (экспонирование вещи целевое), так и переживание амортизационного нецелевого перемещения в процессе движения людей, сдвижения вещи в ходе организации нового элемента структуры; при этом старый элемент структуры, рассматриваемый нами, сохраняется в прежней позиции, но претерпевает физические пространственные перемещения (СХЕМА 21):

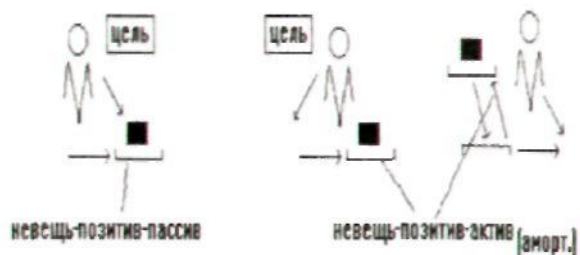

СХЕМА 21 Очевидно, что, чем

более инертен, велик в объеме и массе, а, следовательно, и энергозатратен,

перемещаемый объект, тем менее возможно его амортизационное перемещение и тем более это перемещение рефлексивно и несет целевой характер. Пределом перемещения артефакта-вещи по пространству, оставаясь при этом в позиции амортизированного позитива-актива-невещи и вообще существования в этом статусе, является та грань, когда функция пространственной организации жизнедеятельности артефактом-вещью актуально перестает выполняться. Это может выражаться в потере вещественной целостности, неисправности, трансформации (сложение раскладной кровати или свертывание матраса), реэкспозиции в места, невозможные для позитивного функционирования (вынос из ремонтируемого помещения и складирование мебели, положение тарелок в сушилке в шкафу). В этом случае происходит элиминация позитивной структуры пространства (1)+ н/в-позитив-актив и редукция до не вещи-негатива (1), принадлежащего исходной, предыдущей позитивной структуре пространства (СХЕМА 22):

СХЕМА 22

Исходя из данной посылки, следует вывод: нахождение артефакта в позиции не вещь-позитив-актив может выполняться при условии актуально осуществляемого активного функционирования вещи-позитива. То есть сочетание этих двух признаков вещи и не вещи в характеристике артефакта является показателем его актуального, а не потенциального или бывшего, активного существования в процессе (жиз-не-)деятельности.

Вещественная характеристика не вещей-позитивов (элементов позитивной структуры пространства)

Данный параграф был написан с целью ответить на вопрос, «какими вещами может быть позитивно структурирован искусственно создаваемый плацдарм жизнедеятельности». В принципе, любыми вещами артефактами и нонартефактами, последние из которых в силу этого использования становятся артефактами.

Здесь же предпринята попытка описания некоторых типичных ситуаций организации пространства.

Появление человека на необитаемом месте - естественном ландшафте является исходным отправным пунктом в формировании искусственного ландшафта. Природный ландшафт исходной территории пространственно детерминирует активность человека - нонартефакт-невещь-актив. Форма проявления потребления естественной структуры ландшафта, выраженная, например, в положении багажа, ручной клади, переносимых вещей принимает вид не вещь-негатив-пассив. Далее, одним из первоочередных мотивов деятельности человека во всяком новом пространстве является организация не вещи-позитива - создание не переменных элементарных условий жизнедеятельности. В этом акте деятельности уже осуществляется адаптация к себе окружающей среды. Простым и, вероятно, наиболее ранним примером этого суждения является устройство кострища. Тепло, свет и дым, которые дает огонь, создают искусственную среду обитания с необходимыми комфортными для жизни условиями. Обитание вокруг кострища имеет концентрическую структуру, отраженную в модели сидения вокруг костра Л.Бинфорда (1978), давно уже использующейся в археологической практике как средство анализа и интерпретации пространственного положения культурных остатков (СХЕМА 23).

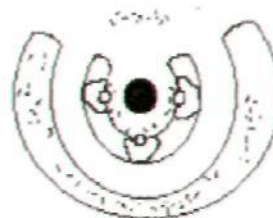

СХЕМА 23

Далее, по мере увеличения продолжительности обитания человека на месте увеличивается и усложняется пространственная позитивная структура. в предельном своем сегодняшнем выражении представляющая в качестве современных жилищ, городов. транспортных, информационных, электронных и иных коммуникационных сетей с проектирующими их инженерными видами деятельности.

Создание искусственной среды обитания выразилось также в развитии интерьеров, в знаковом эстетическом зрительном, звуковом, обонятельном оформлении пространства-среды обитания (Бодрийяр. 1995). В сегодняшней практике не вещами-позитивами-активами являются цветные обои, картины на стенах, цветы на подоконниках, магнитофоны и прочие музыкальные системы, осветительные приборы и многое другое, что создает в жилых помещениях и вне их комфортные условия жизнедеятельности.

Помимо задания общих условий жизни -

организации пространства как комфортной среды, в которой проявление жизнедеятельности человека может осуществляться во всей полноте, мы фиксируем оборудование мест отдельных АД, операций отдельных действий, например, места положения какой-либо вещи. Примерами такой организации пространства могут быть упомянутые уже мусорные ямы, мусорные контейнеры, специально изготовленные или импровизированные, посуда, различные емкости, предметы, подходящие по своим физическим свойствам, зачастую также случайные, использованные как под-ставка, помещение, место «для...», на которых, в которых, под которыми возможно положение каких-либо вещей. И для этой цели описанные выше предметы были бы сознательно использованы (СХЕМА 24):

СХЕМА 24 Между замыслом долговременности существования такого позитива-невещи и морфологической характеристикой вещи существует прямая зависимость, выражающаяся в том, что чем дальше по замыслу не вещь-позитив должна стягивать на себя определенного рода деятельность, действие, тем тщательнее обустроено место, энергозатратнее производство вещи. Тем прочнее она укреплена на месте, тем недвижимее сама вещь, и постановка ее на месте может включать в себя различные земляные и иные инженерные работы по закреплению на месте, что неизбежно отражается на форме экспонируемого объекта-вещи. Временное использование вещи в качестве оборудования территории стимулирует уменьшение габаритов вещи, ее облегчение, задание возможности быстрой перестановки-перемещения вещи. К сказанному выше можно привести в пример сопоставление двуспальной кровати (можно под балдахин) и складной кровати - «раскладушки». Чем меньше срок стягивания на себя человеческой активности задан экспонированному предмету, тем больше почвы для импровизации может быть дано. Подчиняясь принципу экономии энергозатрат, помимо уменьшения габаритов, веса, задания возможности трансформации вещи-позитива в качестве не вещи-позитивов могут реутилизироваться различные отходы производств, отбросы, использованные упаковки и т.п., удовлетворяющие по своим физическим свойствам требованиям момента. Однако такие функционально неспециализированные в пространственной организации деятельности вещи могут быть употреблены в тех или иных целях - активно функционировать, не претерпев преднамеренного помещения и находясь в прежней негативной позиции - не вещь-негатив-актив. Здесь налицо отсутствие

подготовки пространства под какого-либо рода активность и использование существующего искусственного ландшафта. Теоретически мы развели эти две позиции пространственной организации такими вещами деятельности и поведения человека, на практике же факт целевого, преднамеренного экспонирования морфологически в вещах зачастую не выражен. Отнесение пространственных позиций таких предметов по позициям не вещь-позитив — негатив может быть проделано по косвенным признакам или вне наблюдения за происходящим не может быть осуществлено вообще.

Артефактами-вещами, структурирующими различные функциональные места, являются и орудия, такие, как, например, станки, компьютеры. множительная техника, телефонные аппараты, печатные машинки и прочие предметы. функционально определяющие вид деятельности на данном месте. В их (вещей) экспонировании наблюдается отмечаемая уже выше закономерность, что чем объемнее и массивнее задающий функциональное место предмет, тем более он стационарен, тем обязательнее преднамеренный выбор места его установления. Кроме того, причиной, обуславливающей преднамеренный характер экспонирования такого предмета, является дефицит его потребления, выраженный в потребности многократного повторения данного АД (действия, операции), в котором участвует данный артефакт в качестве ведущего средства, и совершения АД (действий, операций) разными субъектами деятельности. Такой дефицит потребления обуславливает преднамеренный стационарный характер помещения предмета, предстающий как результирующая равнодействующая интересов потребления.

В мире также существует множество вещей многофункциональных, комбинирующих в себе две или более функции. Например, металлообрабатывающие станки одновременно оборудованы для положения фиксации в пространстве обрабатываемого предмета и оборудованы орудиями расщепления обрабатываемого исходного материала. Транспорт также сочетает в себе несколько функций: а) средства перемещения людей и грузов, и б) контейнера, искусственного плацдарма, вмещающего перевозимое. Последняя функция иногда может доминировать, и тогда мы имеем «дом на колесах» - вагончик-бытовку, вагончик-продуктовую лавку, милицейскую машину на посту, в которой греется и наблюдает постовой ГАИ и та

Специфическими артефактам и-не вещам и. пространственно организующими деятельность и иные виды человеческой активности, являются вещи-знаки. несущие в себе определенный смысл, передача которого и является управлением движением. деятельностью, игрой. Так, знаки дорожного движения. различные межвенные, пограничные знаки, магазинные вывески пространственно регулируют в соответствии

с содержанием знака ту или иную сторону жизнедеятельности. Таким образом, символически может быть задано и отдельное собственное пространство игры, по Й.Хейзинге (Хейзинга, 1992) обязательное условие существования последней. Пространственно регулируемыми человеческую активность могут быть и знаки-тексты, содержащие соответствующую информацию о пространственной ориентации деятельности, движения и др. Например, объявление-надпись «Свалка мусора запрещена. Штраф 6000 руб.» несет запрет на сброс мусора в данном месте. Вещами-носителями знака могут быть любые предметы, как специально изготовленные в качестве знака, так и реутилизированные в этом качестве вещи. прежде функционально отличные.

Онтология (8). Помимо *вещественной* и *пространственной* (невещественной) позиций артефакта мы берем во внимание и его *знаковую* позицию, рассмотренную в терминах тех же оппозиций *позитив—негатив* и *пассив—актив*.

Рефлексия. Возможность описания в принятых оппозициях знака обеспечивается общей для всего класса деятельностной природой, с одной стороны. С другой стороны, описание в этих терминах вносится нормативным требованием изоморфности рисуемых онтологических картин знака и артефакта в рамках единой системы описания и анализа (системо-деятельностного подхода). Обращение к знаку и семиотике подводит нас к опыту выделения самостоятельной дисциплины (семиотика) как к актуальному (артефактономия?) и возможной институционализации исследований артефактов -оформления предмета дисциплины. Тем более, что изучение артефактов формально-логически лежит вне пределов археологии, которая не имеет дела ни с последними (вместо них - культурные остатки), ни с процессами их порождения - употребления (деятельности). По сути дела, археология должна лишь пользоваться этими онтологическими картинками, схемами как средствами строительства собственного «ущербного» и «производного» знания.

Онтология (9). Существуют знаки, как выше уже отмечалось, искусственные (знаки информаторы, собственно знаки), т.е. преднамеренные (СХЕМА 25А), и естественные (знаки самих себя в ситуациях соприкосновения с их явлениями, знаки-признаки) (СХЕМА 25В) (Кодухов, 1974:125).

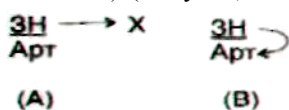
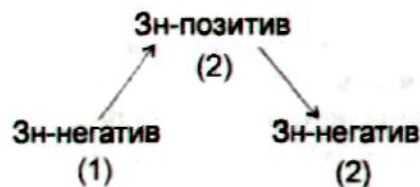

СХЕМА 25 Непреднамеренный

знаковый (признаковый) характер универсален среди артефактов. В том числе им обладают и искусственные знаки-информаторы. Их искусственные значения (денотат, коннотат) является надстройкой, привнесенным значением над исходным значением-признаком и имеет следующий общий вид:

ЗНАК=значение-негатив (1)+значение-позитив (2). В случае утраты знаком позитивного значения (денотата, прежде всего) он возвращается в прежнюю позицию знака-признака (негатива). (СХЕМА 26):

В том числе в такую позицию возвращаются «бывшие знаки», например, пачка старых ценников. ничего не обозначающих ныне, кроме самих себя как ценников, или неразгаданные ритуальные комплексы или петроглифы, также обозначающие лишь самих себя. Позиция знака-информатора-позитива актуальна лишь пока реализуется обеспечиваемый знаком процесс коммуникации, т.е. передачи значения-смысла (о смысле и значении см.: Щедровицкий, 1995). Прерывание этого процесса происходит по причинам: либо в случае исчерпания смысла коммуникации -достижения цели (например, демонстрация закончена. и транспаранты сложены, или товар продан, и ценник снят: коммуникативно-деятельностный барьер), либо в случае отсутствия коммуниканта или кодов прочтения смысла (значений) (гносеологический барьер).

В первом случае возможна реконструкция «бывшего знака» как искусственного, позитивного знака, если известна практика его употребления, но актуально он уже позитивным знаком не является, это «бывший знак». Суть его проще понять на примере исторического анекдота с векселями. *После революции большевик-матрос приходит возглавить Банк, разбирается в бумагах и на обратной стороне одной из них пишет: «Что это?», и оправляет старому спецу. Тот отвечает на той усе бумаге: «Уже не вексель».*

Вслед за описанием активного и пассивного деятельностного состояния вещей мы вводим это различие и для знака. Оно отчетливо иллюстрируется на деятельностных схемах употребления знака Г.П.Щедровицким. Процесс создания знака в его разработках показан как конструирование содержания посредством комбинирования фиксированных. однозначных в интерпретации значений (Щедровицкий, 1995: 568). Это содержание в позиции «смысла» (свернутой схемы) обеспечивает процесс понимания знака, т.е. восстановления и вхождения в означаемую ситуацию (активное функционирование знака).

Завершая описание системы деятельностной характеристики артефакта в трех позициях -вещественной, пространственной и знаковой, проясняя каждую из позиций актуальным отношением непреднамеренности/преднамеренности и пассивности / активности состояния в акте деятельности, мы задаем законченную, как мы полагаем (в смысле системы закрытого типа), онтологическую картину деятельностной природы артефакта. При попадании

последнего в каждый новый акт деятельности происходит смена его позиции и рекомбинация терминов деятельностной характеристики.

Заключение. Исследовательская позиция (рефлексия): ожидаемая ценность применения

системы описания и анализа артефактов, методы позиционного определения артефактов

Для археологии принципиально важным положительным результатом введения этой системы в качестве схемы анализа источника будет, во-первых, увязка в рамках единой категории «артефакт» портативных артефактов и пространства их полагания - «стоянок», увязка в археологической практике семиотических аспектов исследования. Данная схема анализа источников является базовой, универсальной для любого рода артефактов. Во-вторых, уже на этом уровне задается механизм интеграции артефактов и реконструкции процессов деятельности на основе принципа кооперации актов деятельности. Наметка таких процессов возможна уже с первых шагов исследования. По сути дела, синтагматические цепочки моделей процессов деятельности и в них артефактов станут исходными пунктами, канализирующими процесс восхождения «от абстрактного к конкретному». Формальные признаки заботности лезвия орудия или преднамеренной организации пространственного позитива, по крайней мере, изначально позволят идентифицировать артефакт как орудие или «функциональное место» - позитивный элемент структуры искусственного ландшафта. Во вторую очередь уже встает вопрос заполнения конкретным содержанием этих позиций, который, очевидно, решится развитием и применением конкретных исследовательских методов и техник. В третьих, позитивно введение в практику формализованных моделей процессов, позволяющих предельно подробно «расслоить» «склеенные» интерпретационные картины археологических комплексов и перейти от статики культурных остатков к динамике развивавшихся на исследуемом искусственном плацдарме процессов деятельности.

Конкретные методы анализа культурных остатков как артефактов по позициям деятельностной характеристики отчасти уже ясны. Поскольку археология, в основном, развивается как палеовешеведение, то это, прежде всего, методы изучения вещей. Механизм развития вещей может быть определен многочисленными существующими методами, например, трассологическим, методом апплицирования друг с другом расщепленных осколков камня.

Гораздо сложнее обстоит дело с тестированием пространства-невещей благодаря особенностям, во-первых, легкости деформирования естественными процессами и потому что, во-вторых, как уже

отмечалось, преднамеренный характер организации пространства в самой вещи зачастую морфологически может быть не выражен. Его установление может быть осуществлено либо после определения функции вещи-артефакта, либо на основе отождествления типов пространственного положения культурных остатков со стереотипами и культурными нормами организации пространства, либо возможно лишь при наблюдении собственно процессов, от которых артефакт произведен.

И наконец, в заключение еще раз оговоримся, что реально перед археологом предстают не артефакты, а культурные остатки и что существенным фактором ограничения наших возможностей являются тафономические условия (условия захоронения) формирования культурных остатков. Таким образом, не избежать и геоархеологической источниковедческой критики.

Литература

Байбурун А.К., 1989 Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. -Л.: Наука, 1989. -С.63-88.

БодрийярЖ., 1995 Система вещей. - М.: Рудомино. 1995.-174с.

Бочкарев В.С., 1975 К вопросу о системе основных археологических понятий Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: Мат-лы симпозиума. - Л., 1975. - С.34-42.

Вартофский М., 1988 Модели. Репрезентация и научное понимание. - М.: Прогресс. 1988. - 507 с.

Волков П.В., 1998 Предварительные результаты функционального анализа материалов памятника Денисова Пещера // Палеоэкология плейстоцена и культура каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск: Изд-во Ил-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. - Т. 1. - С.59-77.

Воробьева Г.А., Медведев Г.И., 19846 Плейстоцен-голоценовые отложения юга Средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях: Голоцен. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. - 4.2. - 44 с.

Гиря Е.Ю., 1991 Проблемы технологического анализа продуктов расщепления.- СА. 1991.-№3.-С. 115-129.

Громыко Ю.В., 1991 Московская методологическая школа: социокультурные условия, содержание идей, проблем и развития. - Вопросы методологии. - 1991.-№4.-С21-39.

Дискуссия по теме: "Институализация методологии". - Кентавр. -1994. - № 2. - С. 29-37.

Ефремов И.А., 1950 Тафономия и геологическая летопись - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - Кн.1: Захоронение наземных фаун в палеозое. - 178 с. - (Тр./Ин-та палеонтологии. - XXXIV).

Захарук Ю.И., 1977 О понятии "факт" в археологической науке. - СА. -1977. -№ 4. - С.30-40.

Зинченко А., 1995 Ремесло методолога. - Кентавр. -1995.-№1.-С.2-5.

Инешин Е.М., 1993 Деятельностный подход к изучению планиграфии археологического памятника

Большой Якорь // Исторический опыт освоения Восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. - Владивосток, 1993. - С.61-64.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995а Введение к системно-деятельностному подходу в практике археологических исследований // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. -Новосибирск: Наука, 1995.-Ч.1.-С.5-10.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1995б Модель системы расщепления по материалам Большого Якоря в рамках системно-деятельностного подхода // Байкальская Сибирь в древности. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1995. - С.8-29.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1998 Некоторые аспекты применения системно-деятельностного подхода в планиграфических исследованиях // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. - Владивосток. 1998. - С. 11 -22.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В., 1999 К проблеме теоретических оснований интеграции археологических и этнографических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Под ред. А.Г.Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова.-Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999.-С.55-57.

Каган М.С., 1991 Системный подход и гуманитарное знание. - Л., Изд-во ЛГУ, 1991.- 384 с.

Каган М.С. 1974 Человеческая деятельность. - М., 1974.-328 с.

Кирюшенко В.В., 1999 О понятиях знака и объекта в семиотической теории Чарльза С. Пирса // Метафизические исследования. - СПб: Изд-во Алетейя, 1999. - Вып. 12: Язык. -С.50-64.

Клейн Л.С., 1978 Археологические источники. -Л.: Изд-во ЛГУ 1978.-120 с.

Клейн Л.С., 1991 Археологическая типология. -Ленинград, 1991.- 448 с.

Клейн Л.С, 1993 Феномен советской археологии. -С.-Пб.:Изд-во ФАРН, 1993. -128 с.

Ковальченко И.Д., 1987 Методы исторического исследования. - М., 1987.-439 с.

Кодухов В.И., 1974 Общее языкознание. - М.: Высш. школа, 1974.-304 с.

Никитин Е.П., 1966 Метод познания прошлого. -ВФ.-1966.-№8.-С.34-44.

Пископель А.А., Вучетич Г.Г., Сергненко С.К., Щедровицкий Л.П., 1994 Инженерная психология. - М., 1994.-216с.

Плюснин Ю.М., 1990 Пространственное поведение человека (методы проксемических исследований). -Новосибирск. 1990. 45 с.

Попов С.В., 1995 Материализация метода // Метод: вчера и сегодня. - М., 1995. - С.89-97.

Проблемы связей и отношений в материал негической диалектике, 1990 / В.С.Тюхтин,

Г.Д.Левин, И.Г.Герасимов и др.. - М.. 1990. - 288 с.

Разработка и внедрение автоматизированных систем в управление (теория и методология), 1975. - М., 1975.-190 с.

Хейзинга Й., 1992 Homo ludens. В тени завтрашнего дня.-М., 1992.-464 с.

Шер Я.А., 1985 К характеристике понятия "археологический факт" // Проблемы реконструкции в археологии. - Новосибирск: Наука, 1985. - С.5-16.

Щедровицкий Г.П., 1984 Синтез знаний: проблемы и методы *ff* На пути к теории научного знания. - М.: Наука1984.-С.67-109.

Щедровицкий Г.П., 1995 Избранные труды. - М., 1995.-800 с.

Щедровицкий П.Г., 1987 Деятельностно-природная система. - Человек и природа. -1987.-№12. С.12-69.

Эко У., 1998 Отсутствующая структура. Введение в семиологию.-СПб: ТОО ТК Петрополис, 1998.-432 с.

Юдин Э.Г., 1977 Деятельность и системность Системные исследования: Ежегодник, 1976. - М.: Наука, 1977.-С. 11-38.

Юдин Э.Г., 1978 Системный подход и принцип деятельности. - М.: Наука, 1978. - 392 с.

Binford L.R., 1978. Dimensional Analysis of Behavior and Site Structure: Learning from an Eskimo Hunting Stand. *American Antiquity* 43#3 : 330-61.

Ineshin E.M., Teten'kin A. V, 1995 Prolegomena of the System-Activity Approach in the Problem of Splitting Modelling (upon the findings from the archaeological site Bolshoi Yakor -1 //The Journal of Korean Ancient Historical Society. - Seoul, 1995.- vol.#19. - P.193-221.

Summary

This article of Ineshin E.M. and Teten'kin A.V. is devoted to the elaborating the content of "artifact", the one of the most significant categories of archaeology. The authors maintain that most of existing different interpretations of this concept relates with the research position, i.e. the situation of perception of the artifacts by archaeologists. Instead the authors suppose that it's necessary to establish the ontological content of the category "artifact", meaning it's characteristics in the system of human activity. As a basis it was taken the methodological elaboration of system-activity approach obtained by Moscow methodologists leded by G.P.Schedrovitsky. As an artifact the everyone are interpreted in material (thing), spatial and sign (semiotic) positions. The place of artifacts in acts of human is characterized in terms of oppositions "active or passive functioning", " positive or negative product". The definition of artifacts in this terms will allow the archaeologists to model the human activity processes more correctly.